

ЧЕЛОВЕК

БРЫЛАТОЙ

МЕЧТЫ

Александра Беляева нет в живых уже почти два десятилетия, но его повести и романы до сих пор волнуют людей. Их с увлечением читает молодежь, с охотой перечитывают те, кто еще в тридцатых годах с нетерпением ждал очередного номера «Вокруг света» и «Всемирного следопыта», где часто печатался писатель.

...Жизнь А. Беляева, небогатая внешними событиями, была поистине подвигом.

В юности Беляев занимался в консерватории. Но он не стал музыкантом. Юридическое образование привело его на другой путь: будущий писатель работал юрисконсультom в Наркомпро-се, воспитателем в детском доме, инспектором милиции.

В 1925 году в журнале «Всемирный следопыт» появилась научно-фантастическая повесть «Голова профессора Доуэля», подписанная никому тогда не известным именем «А. Беляев». В этой повести есть примечательный эпизод. Отделенная от тела голова профессора продолжает жить. Вдруг в раскрытое окно влетает жук. Он вьется вокруг головы, садится ей на лоб. И Доуэль,

лишенный возможности что-либо предпринять, испытывает невероятный ужас перед этим маленьким чудовищем.

Беляев признавался, что в этом эпизоде много автобиографического. «Болезнь уложила меня однажды на три с половиной года в гипсовую кровать, — рассказывал он. — Этот период болезни сопровождался параличом нижней половины тела. И хотя руками я владел, все же моя жизнь сводилась в эти годы к жизни «голова без тела», которого я совершенно не чувствовал. Вот когда я передумал и перечувствовал все, что может испытать «голова без тела».

Болезнь преследовала писателя всю жизнь. Но он мужественно боролся с недугом. Его оружием был труд. Книга выходила за книгой — романы, повести, рассказы, очерки, статьи, рецензии. Огромная эрудиция подсказывала все новые темы, неистощимая выдумка — все новые и новые сюжетные повороты. Автор приключений на суше и на море не мог путешествовать. Но знания и воображение сделали доступными для его взора и далекую Индию, и тропики Южной Америки, и суровую Арктику. За шестнадцать лет А. Беляев создал около семидесяти произведений!

В произведениях А. Беляева — одного из основоположников советской научно-фантастической литературы — великолепно соединились политическая направленность, динамизм действия и научная достоверность.

«Острофабульный научно-фантастический роман о классовой борьбе» — так определил сам А. Беляев характерный для него тип романа.

В основе беляевских книг, как правило, лежит политический конфликт: люди труда, люди мира и прогресса сталкиваются с представителями капиталистического общества, носителями уродливой человеконенавистнической морали. Писатель показал растленность того строя, который порождает ученых-преступников типа профессора Керна или воинственных претендентов на мировое господство вроде Штирнера и Бэйли. Читая его книги, мы видим, как в царстве капитала даже самые ценные научные открытия обращаются во вред людям. Столкновения, описанные романистом, завершаются обычно победой разума, гуманизма. Тех, кто пытается идти наперекор прогрессу, ждет неминуемая гибель.

Оптимизм Беляева проявляется еще ярче, когда писатель говорит о завтрашнем дне нашей страны. Он рисует ее будущее светлым, радостным, наполненным творческим трудом. К сожалению, писатель не успел создать книги, в которой хотел дать широкую картину грядущего. Но в разных его романах и очерках мы находим этюды для этой картины, отдельные зарисовки нашего Завтра. Это межпланетные полеты, это новые прекрасные города, отепленная Арктика, космическая станция.

Есть еще одна необыкновенно привлекательная черта в произведениях Беляева. Это его излюбленный художественный прием. Он почти всегда рисует необычайное в обычной обстановке. В самых обыденных условиях действуют герои романов «Властелин мира», «Продавец воздуха», «Человек, нашедший свое лицо», осуществляются удивительные изобретения. И мы верим в их реальность.

Иногда творческий прием писателя несколько изменяется — он помещает обычное в необычную обстановку. Благодаря такому приему как нечто вполне реальное воспринимаются грандиозные картины космоса, подводного мира и т. п.

Одна из особенностей произведений Александра Беляева, придающая им большую убедительность, — научная достоверность. Даже самые, казалось бы, невероятные проекты и догадки, изложенные на страницах его книг, оказываются вдруг не невозможными. Вот лишь один пример. В романе «Звезда КЭЦ» рассказывается о том, как с помощью отражающих зеркал на Землю были направлены солнечные лучи. Они растопили вековые льды, прогрели почву и позволили создать зеленый оазис в царстве вечной мерзлоты. Разве не переключается эта дерзкая идея с проектом современных советских ученых, предполагающих создать вокруг Земли отражающее свет кольцо (отдаленно напоминающее кольцо Сатурна), с тем чтобы использовать солнечное тепло для переделки климата на нашей планете?

Особенно много внимания перспективам развития советской науки и техники Беляев уделял в тридцатые годы. Беляев переписывался с Циолковским. Эта переписка была на редкость плодотворной для писателя. «Звезда КЭЦ» — результат увлечения идеей Циолковского — идеей создания внеземной станции. Константин Эдуардович много помогал Беляеву. По замечаниям ученого писатель доработал роман «Прыжок в ничто». Благодаря общению с Циолковским А. Беляев смог создать яркий, запоминающийся образ ученого в очерке «Гражданин Эфирного Острова».

Книги Александра Беляева, человека крылатой мечты, помогут воспитать еще не одно поколение смелых, отважных, любознательных,

Б. ЛЯПУНОВ

АНАТОМИЧЕСКИЙ ЖЕНИХ

Рассказ «Анатомический жених», последнее печатное произведение А. Беляева, был написан в 1940 году. Впоследствии по его мотивам А. Беляев создал сценарий «Когда погаснет свет», к сожалению не доведенный до экрана.

Рисунки М. КЛЯЧКО

С Джоном Сиддонсом случилось большое несчастье: он влюбился в Мери Дельтон.

У Мери были такие глаза, волосы, нос, руки, ноги, фигура, какие могли быть только у нее и ни у кого больше. Достаточное основание, чтобы влюбиться без ума.

Вот как это произошло.

Джон был в парикмахерской. Угрюмый парикмахер, перестав щелкать ножницами и сопеть в темя, снял с Джона простыню.

Сиддонс направился к выходу. И тут на его пути возникло белое видение, и скоро, в состоянии невменяемости влюбленных, он сделал ей предложение, которое было принято благосклонно.

Джон стал женихом и несчастнейшим человеком в мире. Любовь поссорила сердце Джона с его рассудком. Нетерпеливое сердце требовало, чтобы брак был заключен немедленно. Холодный рассудок не одобрял этого: семья, говорил рассудок, коммерческое предприятие, которое имеет одну только расходную часть и всегда пассивное сальдо. Мери едва сводит концы с концами. Сам Сиддонс служит счетоводом в фирме «Кин и К°» — пуговицы «Идеал». Его заработка едва хватает на скромную жизнь. Свадьбу можно справить самую скромную. Но ведь надо же обзавестись хоть маленькой семейной квартиркой, купить в рассрочку мебель, посуду, белье... А дети? Если пойдут дети, Мери, наверно, потеряет место, расходы же увеличатся.

Выходило так, что счастье Сиддону не по карману. Чтобы владеть Мери, надо во что бы то ни стало увеличить свой заработок. Но как?.. Эти мысли не покидали Джона и на работе.

Сиддон занимался в большой узкой комнате с тремя десятками других служащих. Столы были поставлены так, что главный бухгалтер, сидевший в конце комнаты за стеклянной перегородкой, мог видеть всех, и горе было тому, кто прекращал работу хоть на минуту.

В канцелярии стоял невероятный шум: скрежетали арифмометры, трещали контометры и пишущие машинки. Было непонятно, как люди могли заниматься в таком звуковом кошмаре. К концу долгого рабочего дня Джон совершенно обалдевал. Нечего было и думать о сверхурочном заработке или какой-нибудь работе на дому: треск и скрежет стояли у него в голове до утра. Переменить профессию? Невозможно. Положение казалось безвыходным.

По вечерам слипающимися от усталости глазами он просматривал газетные объявления и находил только бесконечные предложения труда. Но бывают же случаи, когда кинопредприятие приглашает желающих за приличное вознаграждение броситься в Ниагарский водопад или прыгнуть с поезда на ходу! Джон был готов и на это.

Однако кинотрюкачи, очевидно, находились и без объявлений. Джон уже терял надежду на счастливый случай, но продолжал читать газеты и однажды нашел несколько загадочное объявление:

ТРЕБУЕТСЯ ЗДОРОВЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ДЛЯ НАУЧНОГО ОПЫТА.

Профессор Аббингтон. 2 авеню, 36/127. От 21 до 23 ч.

У Джона сразу пропала сонная одурь. Он посмотрел на часы и, наскоро одевшись, побежал к ближайшей станции подземки.

Профессор Аббингтон критически осмотрел Джона и кратко сообщил свои условия. В вознаграждение за риск обещал значительную сумму. Джон должен дать расписку о добровольном согласии подвергнуть себя опыту и о неимении никаких претензий в дальнейшем.

— Не можете ли вы мне сказать, как велик риск и в чем он состоит? — спросил Джон.

— Опыт для того и производится, чтобы ответить на этот вопрос, — возразил ученый. — Могу только сказать, что эксперименты над животными прошли удачно. Кролики и морские свинки остались живы и здоровы. Но нельзя предусмотреть всех побочных явлений, которые может произвести опыт в человеческом организме.

— А в чем состоит опыт?

— Едва ли вы поймете мои объяснения.

— Но должен же я по крайней мере знать, будете ли вы меня жечь огнем, натирать мазями или пичкать порошками!

— Для поднятия производительности физического и умственного труда, для борьбы с болезнями, старостью, дегенерацией, для борьбы с вечным гнетом усталости, влекущей за собой потребность сна, а следовательно, и для уничтожения самой потребности сна, для расцвета всех жизненных функций я разрабатываю режимы и дозировки потенционирования — укрепления организма радиометаллами. Зарядка

организма радиоэлементами превращает его как бы в мощный генератор лучистой энергии.

— И я смогу гораздо больше работать без утомления и сна? — с интересом спросил Джон.

— Надеюсь, что так. Но мне необходимо уточнить метод, установить дозировку, сделать потенционирование организма совершенно безопасной процедурой.

— Что же со мной может случиться в худшем случае?

— Жизни опыт не угрожает, остальное неизвестно мне самому.

Джон задумался. Рискнуть или не рискнуть?

Из передней послышался звонок. Джон вздрогнул и произнес:

— Согласен!

Аббингтон молча кивнул головой и провел Джона в кабинет. Весь опыт отнял всего несколько минут. Ученый осмотрел Джона и предложил ему взять в руки электроды, обернутые мокрыми салфетками. Зажужжал аппарат, по телу Джона прошли мурашки легкого электрического тока.

— Вот и все, — сказал Аббингтон и выключил ток. — Приходите ко мне через три дня, я должен проверить результаты. Подпишитесь под договором и получите деньги.

Когда Джон уходил, в передней уже толпился народ.

«Опоздали!» — подумал Джон и выбежал на улицу.

Сиддонс чувствовал необычайную легкость во всем теле и ясность мыслей. От усталости не осталось и следа. Даже утром он никогда не приходил на работу таким свежим. И ни малейшей сонливости! Великолепно! Если так пойдет дальше, он сможет поступить на ночную работу. Днем — у Кина, ночью — в другом месте. Теперь Мери скоро будет его женой... Но только когда же наслаждаться семейным счастьем, если работать круглые сутки? Джон вздохнул. Ничего, останутся воскресенья. Тем с большим нетерпением он будет ждать их.

Вернувшись в свою комнату, Джон быстро разделся, погасил свет и лег в кровать. Но ему не спалось. В полной темноте он мечтал о том, как завтра вечером встретится с Мери и обрадует ее неожиданной удачей. Теперь они могут пожениться! В первый воскресный день они пойдут подыскивать квартиру и покупать мебель. Джон даже не пересчитал денег, полученных от Аббингтона. Профессор не обманет, а все-таки...

И ему захотелось еще раз убедиться в своем неожиданном обогащении, подержать в руках, пересчитать хрустящие новенькие банковые билеты.

Вскочил с кровати и впотьмах начал искать пиджак, в кармане которого лежали деньги.

Ему показалось, что слева от него мелькнул неясный свет, словно бледно-зеленое облачко.

Джон всмотрелся и вскрикнул от удивления. Перед ним на туалетном столике стояло овальное зеркало, а в нем слабо светящееся отражение его самого.

Не веря своим глазам, он протянул руку и увидел, что рука светится, как светлячок. Светились руки, голова, грудь — все тело. И этот свет усиливался по мере того, как глаза привыкали к темноте.

Джон снова посмотрел в зеркало, и от того, что он увидел, волосы зашевелились на голове. Сквозь ночную рубашку проникал фосфорический свет тела, которое стало как бы прозрачным. Отчетливо вырисовывались ребра, позвонки, было видно, как бьется сердце, сокращается желудок, расширяются и сжимаются легкие. Почки, селезенка, кровеносные сосуды просвечивали лучше, чем на экране рентгена. Он видел, как колотилось его взволнованное сердце.

— Что же это такое? — просипел перепуганный Джон. Зажег электрическую лампу. При ее свете фосфорическое мерцание тела исчезло и внутренние органы не просвечивали, но, всмотревшись попристальней, он заметил отчетливые контуры.

Трясущимися руками Джон надел пиджак, пальто, набросил на себя одеяло. Напрасно. Свет проникал через все преграды, вырисовывая скелет, сердце, легкие.

— Как же мне теперь жить?..

Джон опустил на стул возле зеркала. Ему хотелось плакать. Потом его охватила злоба на Аббингтона. Пойти сейчас же и избить его, вытряхнуть из него душу, если он не вернет телу прежнего вида! Но разве Джон не выдал расписку в том, что не будет предъявлять к Аббингтону никаких претензий? Не за риск ли платил ему деньги Аббингтон? И как пойти, да еще ночью, когда тело светится, словно фонарь?

— Несчастный я, несчастный! — бормотал Джон. — Лучше бы ногу сломать, прыгая с автомобиля!

Джон ходил по комнате, то гасил, то зажигал свет, смотрелся в зеркало. Пробовал подкладывать под рубашку газеты, клеенку со стола, закрывался, как щитом, тазом, подносом — светится! Проклятие! Что скажет Мери, когда увидит его? А он только хотел обрадовать ее! Ужасно, ужасно...

Занялась заря. Наступал день. Надо было собираться на работу. Джон умылся, причесал перед зеркалом волосы — брр! Приготовил завтрак. Доедая бутерброд, не мог удержаться, чтобы не заглянуть в зеркало. Он сам себе казался противным, как живой мертвец.

На работу, однако, идти надо. Надел теплое пальто, хотя было лето, надвинул шляпу на лоб и вышел.

Джон готов был ко всему, и все же не мог себе представить, что в своем новом виде вызовет такую сенсацию.

Уже в вестибюле дома его увидела жена портье, истерически взвизгнула и убежала в свою каморку под лестницей, с шумом захлопнув за собою дверь.

На улице вокруг Джона тотчас образовалась толпа.

— Привидение! Скелет в шубе! Живой труп! Стекланный человек! — слышались голоса.

Мальчишки смеялись, свистели, более храбрые дергали за полы, Сбегались полисмены, привлеченные уличным

беспорядком. И Джон сам бросился бежать, спеша скрыться в подzemке.

Там было темнее, чем на улице, и он имел еще более эффектный вид. Кондукторша застучала зубами; публика взволновалась; с женщинами начались истерики; пассажиры кричали и требовали «высадить это безобразия». Джон чувствовал себя отверженным, прокаженным.

Истерзанный и совершенно упавший духом, кое-как добрался он до конторы, насмерть напугал старика швейцара, который, приняв пальто, так и сел на пол, и вошел в бухгалтерию.

Он пробирался к своему столу и словно гасил на пути все звуки. Умолкло стрекотание машинок, перестали скрежетать арифмометры. Наступила необычайная тишина. Только одна машинистка, сидевшая рядом со столом Джона, продолжала трещать клавишами, с головой уйдя в работу. Но необычайная тишина дошла и до ее сознания. Она

подняла голову, взглянула на Джона, завизжала, как сирена, хроматической гаммой в две октавы и упала в глубокий обморок.

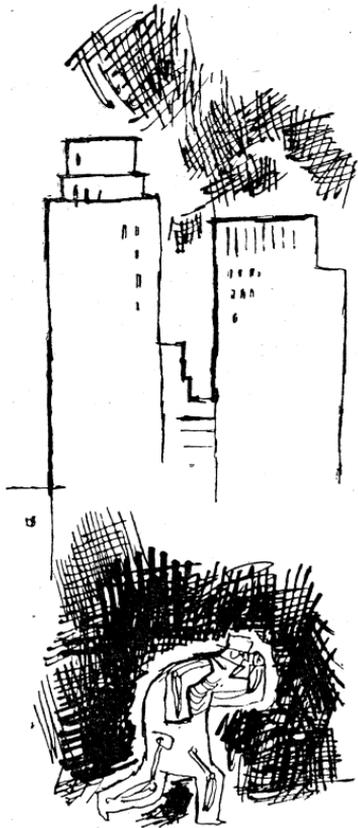
В конторе вновь стало шумно, но это уже был шум бури, катастрофы, стихийного бедствия. Все служащие повскакали со своих мест, кричали, размахивали руками. Женщины убежали, мужчины несмело обступили Джона.

— Мистер Сиддонс! — послышался громовой голос бухгалтера.

Джон с таким чувством, будто он был раздет донага, прошел за стеклянную перегородку.

Бухгалтер долго и внимательно рассматривал легкие и сердце Джона, потом сказал:

— Извольте объяснить, что значит этот... этот... я не подберу слова... этот необычайный маскарад?

— Простите, мистер... это не маскарад, а скорее несчастный случай, — лепетал Джон. — Последствия одного неудачного опыта... лечения...

Роковое слово было произнесено.

— Лечился? — воскликнул бухгалтер. — Значит, вы больны? И притом такой... неприличной болезнью? Зачем же вы пришли? Здесь не клиника и не анатомический музей.

— Но, уверяю вас, я здоров... я совершенно здоров... Я хотел только сказать, что опыт производился для того, чтобы лечить больных...

— Разве здоровые люди просвечивают, как графин, и бесстыдно выставляют напоказ свои селезенки? Вы сами видите, что работать в вашем присутствии невысказанно. Извольте идти к кассиру и получить расчет. Вы больше не служите у нас, мистер Сиддонс.

— Но, может быть, за ширмой... — начал Джон и махнул безнадежно рукой. От этих проклятых лучей не защитит никакая ширма.

Опустив голову, поплелся он к кассиру, который завыл, увидев скелет в сияющем теле, долго не мог прийти в себя и, наконец, трясущимися руками отсчитал деньги.

С торговым домом было покончено. И со всем на свете покончено. Другой работы ему не найти, о Мери нечего и думать...

Джон собирался побить Аббингтона, но свалившееся несчастье так подавило его, что даже злость испарилась, осталось только чувство безнадежного уныния. И когда Сиддонс явился к ученому, то мог лишь с горестью воскликнуть:

— Что вы со мной сделали, мистер Аббингтон?

Профессор внимательно осмотрел Джона и пришел в восторг.

— Прекрасно! Великолепно! — восхищался он, поворачивая Джона. — Дышите. Не дышите. Изумительно! Этого я не ожидал.

— Если бы я этого ожидал, то отказался бы и от миллиона, — возразил Джон.

— Ваши легкие в совершенном порядке, — продолжал в восторге Аббингтон, не слушая Джона. — Ни малейших затемнений. И сердце не увеличено. Почки на месте. Вы совершенно здоровый человек, мистер...

— Здоровый! — вздохнул Сиддонс. — Что мне в этом здоровье? Я предпочел бы полное затемнение, чем такое прозвучивание. Я лишился работы и не могу показаться на улицу.

— Зато какое удобство для врачей и для вас самого! Если вы заболете, то даже самый неопытный врач поставит безошибочный диагноз.

— Очень мне поможет ваш диагноз! — рассердился Джон. — Вместо того чтобы смотреть, на месте ли у меня печень, вы бы поглядели на желудок!

— Да? Посмотрим. Совершенно нормальный. Никаких намеков на язвы...

— И никаких намеков на пищу!

— Действительно. Желудок совершенно пустой. Ну, эта беда поправима. С голоду не умрете, не беспокойтесь. Вы представляете теперь для науки исключительный интерес. Я устрою вам место при медицинском институте. Вы будете показывать себя ученым и студентам. Только и вся работа. Плата небольшая, но, пожалуй, столько, сколько вы получали счетоводом, вы получите. Все в порядке? А как вы себя чувствуете?

— Отвратительно!

— Я говорю не о вашем настроении. Чувствуете ли вы усталость? Спите ли?

— Усталости не чувствую ни малейшей. Мог бы работать за троих, но кто возьмет меня?

— Я уже говорил, что у вас будет служба. А сон?

— Совершенно не сплю. Но, думаю, на моем месте и вы не спали бы.

— Отлично! Сон побежден! Это великолепное открытие! С вашим свечением вышел маленький недосмотр. Но ведь это только опыт. Вы видите, я забочусь о вас больше, чем обещал. К своему необычному виду вы привыкнете, безработица вам не грозит. Чего же еще вам надо? Поверьте, многие и многие еще позавидовали бы вашему положению.

— Чего мне еще надо? Мистер Аббингтон! — воскликнул Джон. — Неужели вы не понимаете? Ведь я живой человек, молодой, здоровый. И... не одним хлебом жив человек...

— Кажется, я начинаю догадываться.

— Догадаться не трудно. Я люблю девушку. Она моя невеста.

— Это действительно некоторое осложнение, — улыбнулся Аббингтон. — Но если невеста вас любит, она не откажется от вас. Разве не у каждого из нас есть сердце, легкие, почки? Вы ей так и скажите. А привыкнуть можно ко всему.

— Привыкнуть! Я сам не могу к себе привыкнуть.

— Она видела вас? — спросил Аббингтон.

— Нет. Я не решился. Написал письмо, что уехал по делам. Мистер Аббингтон, верните мне прежний вид! Умоляю вас!

— Этого я сделать не могу. Вы останетесь прозрачным, пока радиоактивный элемент, введенный в ваше тело, не распадется.

— Сколько же мне ждать этого распада?

— Продолжительность жизни радия две тысячи двести восемьдесят лет...

У Джона подкосились колени.

— Тысячи! — воскликнул он.

— Да, но, к вашему утешению, могу сказать, что мною введены в ваш организм искусственные радиометаллы. А они живут от долей секунды до десяти лет. В частности, радиокобальт...

— Мистер Аббингтон! Но неужели же нет никакого средства скрыть от людей свечение моего тела?

— Только свинцовые экраны.

— Тогда, может быть, свинцовый плащ...

— Свинцовые штаны, свинцовый капюшон? Едва ли такой костюм был бы для вас удобен. Да и зачем? Не горюйте же, мистер Сиддонс. Я вас устрою в институте, это дело решенное. Мы оградим вас от праздного любопытства. Там вы будете и жить. Приходите ко мне завтра утром.

Вернувшись к себе, Джон застал возле двери толстенького коротенького человека, солидного и вместе с тем юркого.

— Мистер Сиддонс?

— К вашим услугам.

— Вы не знаете меня, я никогда не видел вас, но нельзя ошибиться в том, что вы мистер Сиддонс. Я к вам по делу, если позволите...

— Пожалуйста. — Джон открыл дверь комнаты и впустил посетителя.

— Моя фамилия Наайт. Джером Наайт. Разрешите с вами познакомиться поближе. — И Наайт начал бесцеремонно разглядывать Джона, обходя со всех сторон и приговаривая: — Эффектно! Сенсационно! Оригинальнее, чем я ожидал. Это, наверно, сердце? Ишь, как екает! Я не знал, что оно такое большое. И совсем не похоже на те сердца, которые изображают с пронзенной стрелой или на картах червонной масти. А это что? Печенка или селезенка? А где же почки? — Он так увлекся, что стал вертеть Джона. — Доктора говорят, что у меня почки не в порядке. Интересно посмотреть, как они выглядят. А почему у вас мозги такие сморщенные? У телячьих мозгов...

— Что вам угодно? — спросил Джон, теряя терпение.

Мистер Наайт предложил Джону сигару, закурил сам и объяснил цель своего визита.

О мистере Сиддонсе уже говорит весь город, пишут газеты. Тысячи людей жаждут видеть феноменального

прозрачного человека. И мистер Наайт, по своей доброте, решил взять на себя труд удовлетворить это желание публики, если на то будет согласие мистера Сиддонса. Расходы по организации публичных сеансов велики, и поэтому Наайт не может предложить мистеру Сиддонсу крупную сумму за выступления, но надеется, что о размере вознаграждения они сговорятся.

Джон отказался наотрез. Этого еще не хватало! Его будут выставлять напоказ, как крокодила или сиамских близнецов!

Наайт полагал, что Сиддонс просто хочет набить цену, и стал быстро прибавлять. Джон не соглашался. Наайт все прибавлял, и Джон начал колебаться. Он вспомнил о Мери. Аббингтон подал надежду, что прозрачность тела может исчезнуть. Он перестанет быть живым анатомическим объектом и сможет жениться на Мери. Неплохо заработать на первое обзаведение. Днем — в институте, вечером — у Наайта. Спать ему не надо, усталости он никогда не чувствует. Почему бы и не согласиться?

Теперь уже Джон умышленно набивал цену и, когда убедился, что больше из Наайта не выжать, дал свое согласие.

Для Джона началась новая жизнь. Он был почти доволен ею. Хорошо зарабатывал без всякого труда, физически чувствовал себя отлично. Ему даже начала нравиться роль феномена, возбуждающего сенсацию. Одно беспокоило Джона — его отношения с Мери. Под всякими предложениями он откладывал свидание с нею, писал ей письма, говорил по телефону. Мери отвечала. В ее письмах звучали упреки и жалобы. Почему он избегает ее? Не разлюбил ли? Из газет она уже знает, что с ним произошло. Но ее любовь неизменна, и он напрасно скрывается, если дело только в этом. «Гора не идет к Магомету, а Магомет придет к горе», — закончила она свое последнее письмо.

Джон содрогался, представляя себе встречу с невестой. И эта роковая встреча произошла скорее, чем он ожидал.

Когда вечером «Стеклянный человек» — мировое чудо — мистер Сиддонс выступил перед публикой при погашенных огнях, испуская фосфорический свет и просвечивая всеми внутренними органами, в зале послышался истерический женский крик. На сеансах это случалось нередко. Но Джон вздрогнул: голос показался ему знакомым.

— Женщина в обмороке! Зажгите свет! — прозвучал чей-то голос.

Вспыхнули лампы. Джон заглянул в зрительный зал и вскрикнул. Это была она, его Мери! Джон приказал перенести девушку в свою уборную и вместе с врачом начал приводить ее в чувство.

Мери открыла глаза, посмотрела с ужасом на Джона и закричала:

— Уйди! Уйди! Это ужасно! Я не могу тебя видеть!

— Мери, дорогая, успокойся! Неужели я так страшен? Ведь у каждого человека есть скелет, и сердце, и селезенка, — вспомнил он слова Аббингтона. — Только у других не видно, а у меня видно. Ты же сама писала, что твоя любовь так велика...

— Да, но я не ожидала... я не могла вообразить... Нет, нет! Не прикасайся ко мне! Я не могу, не хочу быть твоею женой. Оставь! Ай! — И она вдруг вырвалась из рук Джона и убежала. Сиддонс погнался за нею, но споткнулся. Мистер Наайт схватил его за руку и крикнул в ухо:

— Опомнитесь! Публика волнуется, требует деньги назад. Извольте продолжать сеанс!

И он вывел Джона на сцену. Свет был вновь погашен.

Тело Джона засветилось — и вдруг померкло.

Послышались негодующие крики публики. А Джон стоял растерянный среди темной сцены, еще не понимая, что с ним случилось. Недолговечный искусственный радиоэлемент распался. Джон вдруг почувствовал необычайную усталость и сонливость. Его пришлось отвести в уборную, где он повалился на кушетку и захрапел.

Проснулся он уже в своей комнате. Посмотрел на руки. Кости не просвечивали. Взглянул в зеркало. Ни ребер, ни сердца не было видно. Его тело имело обычный вид.

Побежал в коридор, где был телефон, вызвал Мери. Задыхаясь от волнения, сообщил ей о происшедшей перемене.

— Нет, нет и нет! — послышался в телефоне голос Мери. — Я не в силах забыть вида вашего сердца!

— Тогда поищите себе жениха совсем без сердца! — раздраженно крикнул Джон и повесил трубку.

